

Императоръ Павелъ I и политическія судьбы Италіи.

Въ области внѣшней политики царствованіе Императора Павла I ознаменовалось тѣмъ, что Россія вступила въ такъ-называемую вторую коалицію европейскихъ державъ. Въ противовѣсъ Императрицѣ Екатеринѣ II, ея преемникъ не преслѣдовалъ никакихъ завоевательныхъ плановъ, не мечталъ о расширеніи территоріальныхъ границъ своей имперіи, а потому съ самаго начала объявилъ себя сторонникомъ европейскаго мира и нейтралитета Россіи по отношенію къ тѣмъ политическимъ комбинаціямъ въ Европѣ, которыя имѣли тенденцію такъ или иначе нарушить дипломатическое равновѣсіе и вызвать войну. Поэтому, Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, не замедлилъ заявить, что онъ считаетъ ошибочной враждебную политику Россіи къ Турціи, практиковавшуюся при Екатеринѣ, и стремится поддерживать съ Портой добрыя отношенія, дабы обезпечить миръ, прежде всего, со стороны „вѣкового врага“. Но соображенія совершенно постороннія, не дипломатическаго характера, быстро заставили Императора Павла перейти отъ этой миролюбивой внѣшней политики къ активному вмѣшательству въ дѣла европейскихъ государствъ и стать во главѣ боевого союза, включившаго помимо Россіи, Австрію, Англию, Турцію и Неаполитанское королевство.

Установившееся во Франціи, какъ говаривалъ Императоръ Павелъ I, „богомерзкое правительство“, вело въ Европѣ, главнымъ образомъ благодаря походамъ Наполеона, войны, настолько успѣшно, что

грозило полнымъ измѣненіемъ европейской географической карты и, кромѣ того, потрясеніемъ основъ стараго монархическаго порядка всюду, гдѣ только появлялась французская „революціонная“ армія. Павель I считалъ священнымъ дѣломъ изгнаніе изъ Европы французовъ и вслѣдствіе этого участіе его во второй коалиціи сразу выразилось въ очень рѣшительной формѣ: онъ не жалѣлъ своихъ военныхъ силъ, посылавшихся имъ на помощь дѣйствующимъ противъ Франціи австрійцамъ, и поставилъ во главѣ русской арміи Суворова. Средоточіемъ совмѣстныхъ дѣйствій второй коалиціи—была Италія. Здѣсь самымъ гибельнымъ образомъ отразилось вторженіе армій „богомерзкаго правительства“. Законные государи и даже правитель Церковной области лишались своихъ троновъ, государства разламывались на части и отдавались въ полное распоряженіе генераламъ директоріи. Но особенный страхъ Европѣ внушало то, что здѣсь, въ сѣверной и средней Италіи, французы нанесли смертельный ударъ габсбургскому владычеству и, казалось, что вслѣдъ за этимъ наступитъ развалъ и австрійской имперіи, что явилось бы, въ свою очередь, началомъ всеевропейскаго катаклизма. Такимъ образомъ, изгнаніе французовъ изъ Италіи, освобожденіе ея отъ желѣзныхъ рукъ „богомерзкаго правительства“ являлось какъ бы залогомъ для возстановленія въ Европѣ порядка, для каковой цѣли только и вступилъ Павель I во вторую коалицію. Но если, какъ мы указали выше, роль императора Павла I была весьма значительна въ предпринятой второй коалиціей борьбѣ противъ директоріи, то въ политическихъ судьбахъ Италіи, по крайней мѣрѣ въ 1799 г., она была еще болѣе важна, была прямо таки рѣшающей. Объ этой сторонѣ дѣятельности Павла I, объ его непосредственномъ вмѣшателствѣ въ политическія судьбы Италіи, приведемъ, какъ мы увидимъ ниже, къ рѣшенію русскаго царя созвать въ Петербургѣ особую конференцію европейскихъ державъ для возстановленія въ правахъ законныхъ италіанскихъ государей и обезпеченія имъ полной независимости—объ этомъ именно, мы до сихъ поръ имѣли слабое представленіе. Отсутствіе *полныхъ* документальныхъ данныхъ о сношеніяхъ въ эту эпоху Россіи съ италіанскими государствами являлось главнымъ препятствіемъ для всесторонняго освѣщенія дипломатическихъ проектовъ Павла, касающихся судебъ Италіи. Нынѣ же, благодаря опубликованію полностью архива маркиза де-Галло, уполномоченнаго неаполитанскаго двора, архива, содержащаго въ себѣ интересную переписку о его дипломатической миссіи въ Петербургѣ въ 1799 г., представляется возможнымъ восполнить наши свѣдѣнія о внѣшней

политикъ Павла I вообще и объ его участіи въ устройствѣ политическихъ судебъ Италіи, въ частности ¹⁾).

Когда французы, разгромивъ сѣверную и среднюю Италію и создавъ изъ австрійскихъ владѣній и части Церковной области, такъ называемую Цизальпинскую республику, двинулись на югъ, въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ на тронѣ сидѣлъ отирыскъ Бурбонской династіи, Фердинандъ IV, произошли потрясающія событія. При видѣ непріятеля, жители Неаполя, главнымъ образомъ демократическая часть, недовольные режимомъ бурбонскаго абсолютизма, открыто выразили свою радость предстоящей, вмѣстѣ съ французскимъ завоеваніемъ, смѣнѣ правительствъ и политической системы. Дворъ же, послѣ тщетныхъ попытокъ оказать сопротивление французамъ—съ одной стороны и усмирить пришедшихъ въ движеніе демократовъ—съ другой, послѣдно перекочевалъ въ Сицилію, гдѣ въ Палермо было устроено мѣстопробываніе бѣжавшаго неаполитанскаго короля и его семьи. Здѣсь, на королевскомъ совѣтѣ рѣшено было немедленно прибѣгнуть къ помощи извнѣ, т. е. рѣшено было повести переговоры о совмѣстномъ выступленіи противъ французовъ Австріи и Англіи, съ которыми неаполитанское правительство уже заключило въ разное время сепаратныя соглашенія. О такомъ же соглашеніи съ Россіей неаполитанскій посолъ Серракапріола велъ уже переговоры въ Петербургѣ (договоръ былъ подписанъ 18 (29) декабря 1798). Такимъ образомъ, событія въ Неаполѣ, приведшія въ январѣ 1799 г. къ установленію тамъ французами Партенопейской республики, подготовили почву для образованія второй коалиціи. Но для достиженія этой цѣли понадобилось, раньше всего, наладить испортившіяся въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ 1798 г. отношенія между неаполитанскимъ правительствомъ и Австріей. Дѣло въ томъ, что когда неаполитанское правительство вело еще за свой страхъ и рискъ борьбу съ французами, и одно время ему удалось вытѣснить врага изъ предѣловъ неаполитанскаго королевства и проникнуть даже въ папскую область, а также и въ Римъ, въ Австріи это было учтено, какъ попытка Бурбонской династіи использовать моментъ замѣшательства и овладѣть наслѣдіемъ папы. Кромѣ того, обостренію австро-неаполитанскихъ отношеній содѣйствовалъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Тугутъ, который говорилъ, что аккредитованные при европейскихъ дворахъ послы неаполитанскаго короля „конспирируютъ“ противъ вѣнскаго правительства и всячески стараются подорвать къ нему

¹⁾ *Carlo di Somma. Une mission diplomatique du marquis de Gallo à Saint-Petersbourg en 1799. Napoli, 1910.*

путемъ новаго раздѣла Аппенинскаго полуострова, распространить еще больше здѣсь свое вліяніе, повлечетъ къ измѣненію европейскаго равновѣсія исключительно въ ея пользу, чего не можетъ допустить русскій Императоръ. Россія, въ силу давно уже сложившейся дипломатической конъюнктуры, не потерпитъ расширения австрійскаго владычества, ибо въ противномъ случаѣ ей пришлось бы имѣть своимъ сосѣдомъ тогда едва-ли не самую сильную и величественную державу. А между тѣмъ, въ эпоху второй коалиціи, Россія была единственной державой, которая, по мнѣнію Галло, могла бы заставить Австрію идти у нея подъ кнутомъ. (*La Russie est la seule puissance qui possède le moyen de faire marcher l'Autriche à la cavigache*). И логически развивая эту мысль, учитывая только реальные факторы европейскихъ дипломатическихъ отношеній, Галло приходитъ къ такому выводу. „Всякая новая политическая система—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Актону,—которая будетъ введена въ Италію, будетъ зависѣть отъ воли Россіи, и вообще тонъ всему будетъ задавать только эта держава“. Однако, развивая еще дальше свой планъ Галло, не слѣдуетъ допустить, чтобы судьбы Италіи находились исключительно въ рукахъ русскаго царя. Это могло бы явиться искрой для новаго пожара въ Европѣ, ибо никакая держава не согласится на это. Поэтому, русскому царю необходимо будетъ сдѣлать кое-какія уступки, но никоимъ образомъ не устанавливать новаго равновѣсія такъ, чтобы это было въ пользу Австріи. Что же касается неаполитанскаго королевства, то для увеличенія ея престижа, для достиженія вѣшняго могущества, и чтобы она могла занять дѣйствительно выдающееся мѣсто среди остальныхъ италіанскихъ государствъ, король Фердинандъ IV, по совѣту Галло, долженъ непременно требовать территориальнаго расширенія своихъ владѣній.

Вотъ планъ, созрѣвшій у Галло, при болѣе близкихъ отношеніяхъ его съ австрійской дипломатіей. Онъ его тщательно скрываетъ отъ Тугута, которому сообщаетъ, что ѣдетъ въ Петербургъ съ единственной только цѣлью: просить царя продолжать оказывать Австріи помощь, дабы поскорѣе освободить Неаполь отъ французовъ. Тугутъ одобряетъ эту миссію и говоритъ Галло, что дѣятельное участіе Россіи въ этомъ дѣлѣ крайне необходимо, чтобы „сдѣлать внушительную диверсію и уничтожить якобинизмъ въ Италіи“. Тугутъ обѣщаетъ даже сообщить объ этомъ Кобенцлю, который игралъ большую роль въ сближеніи Австріи и Россіи въ 1798 г., и будетъ просить его оказать поддержку миссіи Галло въ Петербургѣ. Галло, затѣмъ, получаетъ собственноручныя рекомендабельныя письма отъ Франца II и отъ австрійской императрицы къ

очень оживленный характеръ, уловить его подлинное отношеніе къ австрійской дипломатіи. Довольно прозрачными намеками Галло далъ понять Императору, что самое устройство политическихъ судебъ Италіи послѣ изгнанія изъ нея французовъ будетъ зависетьъ отъ того или иного территоріальнаго перераспредѣленія на Аппенинскомъ полуостровѣ. „Я замѣтилъ Царю—пишетъ Галло въ своемъ конфиденціальномъ письмѣ къ Актону,—что Италія подверглась такой встряскѣ, такимъ измѣненіямъ (послѣ вторженія французовъ и изгнанія законныхъ государей), послѣ которыхъ становится невозможнымъ ввести все въ прежнюю норму. Надо предвидѣть, слѣдовательно, въ Италіи новыя измѣненія, которыя соответствовали бы уже планамъ державъ, вступившихъ во вторую коалицію, но стараться, чтобы послѣдствія этихъ новыхъ перемѣнъ не принесли бы пользы только этимъ державамъ“. Иными словами, Галло предупреждалъ Павла I-го о возможности раздѣла Италіи между Австріей и Англіей. Послѣдняя, надо замѣтить кстати, стремилась завладѣть нѣсколькими лучшими портами Италіи, которые необходимы были ей для упроченія своего господства на моряхъ.

Галло сообщаетъ далѣе, что, услышавъ эти слова, Императоръ Павелъ былъ положительно пораженъ (*frappé de cette idée*). Онъ какъ бы впервые понялъ все значеніе италіанскаго вопроса и тѣхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ участія въ устройствѣ судебъ Италіи второй коалиціи, и по всему видно было, что раньше подобная мысль и не приходила въ голову Павла I-го. Подумавъ немного, царь далъ такой отвѣтъ. „Я хочу, чтобы мы (т. е. коалиція) вели войну только для подавленія революціи и для возстановленія каждаго монарха въ своихъ законныхъ владѣніяхъ. Я уже объ этомъ сообщилъ австрійскому императору (Францу II) и послалъ свои приказанія Суворову съ тѣмъ, чтобы онъ заставилъ всѣ, покоренные имъ народы присягнуть ихъ законнымъ властителямъ. И какъ только онъ овладѣетъ Туриномъ, онъ долженъ, согласно моимъ приказаніямъ, послать курьера за Сардинскимъ королемъ и возвратитъ его въ его постоянную резиденцію. Я не знаю, понравится ли такая тактика вѣнскому двору, но она входитъ въ мою систему, которая кажется мнѣ наилучшей, чтобы исключить всякій проектъ личнаго честолюбія и споръ между спутниками“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что Павелъ I признаетъ за Австріей права на владѣніе только Венеціей и венеціанскими областями, но не больше. Что же касается другихъ притязаній австрійскаго дома и въ частности прежняго возстановленія его въ Ломбардіи, то царь рѣшительно заявилъ свое несогласіе съ какимъ бы то ни было планомъ раздѣла этого послѣдняго государства. Однако Галло сталъ доказывать Павлу, что

въ связи съ отношеніемъ къ этому вопросу державъ второй коалиціи. Представивъ царю письменный докладъ и познакомивъ его болѣе подробно съ своимъ проектомъ *территориальнаго* перераспредѣленія Италіи, Галло натолкнулъ Павла I-го на мысль созвать въ Петербургѣ конференцію изъ державъ, заключившихъ вторую коалицію, для окончательнаго рѣшенія италіанскаго вопроса.

Что же дѣлала въ это время австрійская дипломатія? Развѣдавъ, что Галло удалось склонить русскаго царя къ дипломатическому проекту, идущему въ разрѣзъ съ политическими цѣлями Австріи, вѣнскій дворъ сталъ „бросать палки въ колеса“. Но при извѣстіи о проектѣ Императора Павла созвать спеціальную конференцію, съ цѣлью лишить навсегда прежняго политическаго вліянія Австрію въ италіанскихъ государствахъ, австрійская дипломатія серіозно заволновалась.

Въ сентябрѣ 1799 г. Актонъ пишетъ изъ Палермо неаполитанскому послу въ Петербургѣ, Серракаприолѣ, слѣдующее: „Я долженъ предупредить васъ, что вѣнскій дворъ проявилъ большую тревогу по поводу предположенія Павла I открыть въ Петербургѣ конференцію по италіанскимъ дѣламъ“. Это заключеніе неаполитанское правительство вынесло на основаніи письма, полученнаго королемъ Фердинандомъ отъ императора Франца II. Послѣдній въ мягкой формѣ, въ которую, однако, были заключены угрозы дипломатическаго разрыва и объявленія Неаполю войны, просилъ Фердинанда приказать своимъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ дѣйствовать солидарно съ представителями австрійскаго правительства. „Ибо то, что намъ предлагаютъ—писалъ Францъ II,—можетъ привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ“. Какія подозрѣнія вызвалъ въ Вѣнѣ неожиданный поворотъ въ австро-русскихъ отношеніяхъ, происшедшій благодаря дипломатической миссін Галло въ Петербургѣ, можно судить по письму, написанному австрійской императрицей Маріей-Терезіей (жена Франца II) своей матери, неаполитанской королевы Маріи-Каролинѣ. „Я подозрѣваю—говорится въ этомъ письмѣ, написанномъ подъ давленіемъ австрійской дипломатіи,—что русскій императоръ хочетъ завладѣть однимъ изъ италіанскихъ государствъ, чтобы посадить тамъ на тронъ эрцгерцога Іосифа, въ честь женитьбы этого послѣдняго на его дочери, и я боюсь, что это будетъ сдѣлано за счетъ владѣній несчастнаго папы. Мой любезный супругъ для предупрежденія этого посылаетъ свои войска въ Римскія владѣнія съ тѣмъ, чтобы занять ихъ и управлять тамъ отъ имени Св. Престола“...

Получивъ извѣщеніе о перепискѣ между дворами неаполитанскимъ и австрійскимъ, Галло продолжалъ все же дѣйствовать въ прежнемъ

дѣламъ, медлило своимъ отвѣтомъ. Придираясь къ тому, что при передачѣ въ Вѣнѣ этого извѣщенія русскимъ представителемъ Колычевымъ, не были выполнены надлежащія формальности (у Колычева не было вѣрительныхъ грамотъ), Францъ II думалъ подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ выиграть необходимое ему время, чтобы отправить новыя письма въ Палермо для болѣе рѣшительнаго воздѣйствія на неаполитанское правительство. Но не успѣла еще австрійская дипломатія предпринять новыя шаги, чтобы разстроить планъ Павла I, какъ царь, раздраженный явнымъ уклоненіемъ отъ отвѣта на вопросъ о созывѣ конференціи, послалъ немедленно въ Вѣну нѣчто въ родѣ ультиматума. На этотъ разъ Императоръ Павелъ требовалъ, чтобы австрійское правительство заявило, какого оно мнѣнія о возстановленіи въ своихъ правахъ Сардинскаго короля и относительно проекта политической и государственной реорганизаніи Италіи. Кроме того, царь заявилъ самымъ категорическимъ образомъ, что онъ отказывается отъ сепаратнаго соглашенія съ Австріей по дѣламъ Италіи, неоднократно ему предложеннаго вѣнскимъ правительствомъ, и что онъ по-прежнему настаиваетъ на созывѣ конференціи.

Въ теченіе того времени, когда инцидентъ съ уклоненіемъ отъ отвѣта австрійскаго правительства долженъ былъ такъ или иначе разрѣшиться, по оплошности Растопчина, въ Палермо, гдѣ все еще продолжалъ пребывать неаполитанскій дворъ, произошло дипломатическое замѣшательство, сразу разрушивъ весь планъ Павла, подготовленный большими усиліями Галло и очень удачно поведенной имъ дипломатической игрой. Случилось это такимъ образомъ. Держа постоянно русскаго посла въ Лондонѣ, графа Воронцова, въ курсѣ тѣхъ переговоровъ, которые велись въ Петербургѣ маркизомъ де-Галло, такъ какъ это было существенно въ цѣляхъ подготовки англійскаго правительства къ новымъ политическимъ перемѣнамъ въ Италіи, Растопчинъ сообщилъ послѣ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Галло, шутя, что послѣдній пріѣхалъ въ Россію „съ идеями Цезаря: раздѣлить весь міръ“. Какимъ-то образомъ эта не то шутка, не то злая иронія стала извѣстна неаполитанскому послу въ Лондонѣ, который, придавъ ей чрезвычайно важное дипломатическое значеніе, немедленно сообщилъ объ этомъ своему правительству. Въ Палермо, гдѣ неаполитанскій дворъ находился подъ угрозами Австріи: разорвать съ нимъ сношенія и даже объявить войну, чрезвычайно встревожились.

Неаполитанское правительство рѣшило, что смѣлые замыслы Галло въ дѣйствительности увлекаютъ его въ какую-то дипломатическую трясину, изъ которой ему не удастся выйти безъ тяже-

лыхъ потерь и неприятностей. Не будь оно столь трусливо, имѣй оно смѣлость дѣйствовать не только за кулисами международныхъ отношеній, но, въ случаѣ необходимости, и открыто,—оно, конечно, иначе оцѣнило бы крылатую фразу Растопчина, тѣмъ болѣе, что истиннымъ вершителемъ политическихъ судьбъ Италіи въ это время являлся уже Императоръ Павелъ, намѣревавшійся, какъ показываютъ опубликованные Carlo di Somma документы, съузить до ничтожныхъ предѣловъ вліяніе Австріи на Аппенинскомъ полуостровѣ. Но вмѣсто того, чтобы продолжать поддерживать идею Павла о созывѣ конференціи по италіанскимъ дѣламъ, неаполитанскій король Фердинандъ рѣшилъ сразу оборвать нить налаженнаго съ такимъ трудомъ дѣла. Онъ послалъ царю письмо, въ которомъ писалъ, что его взгляды на политическія судьбы Италіи совершенно противоположны проектамъ Галло, который, къ тому же, не получилъ на эту миссію спеціальныхъ полномочій отъ него. А между тѣмъ изъ содержанія письма ясно видно, что ни Фердинандъ, ни его министръ Актонъ не поняли истиннаго положенія вещей и той благопріятной политической конъюнктуры, которая сложилась для Неаполя благодаря поѣздкѣ Галло въ Петербургъ. Ибо, въ сущности король Фердинандъ хотѣлъ того же самаго, что и Галло, т. е. возстановленія въ своихъ законныхъ правахъ бывшихъ до французскаго нашествія италіанскихъ правителей и устраненія посторонняго вліянія, подразумѣвая подъ этимъ, прежде всего, вліяніе Австріи. Пунктомъ же дѣйствительныхъ разногласій явился какъ будто-бы вопросъ о территориальной компенсаціи державъ, участвующихъ въ войнѣ за освобожденіе Италіи отъ французовъ. Но и тутъ оказалось полное непониманіе неаполитанскимъ правительствомъ элементарнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики и установившейся практики международнаго права. Понимая отлично, что война второй коалиціи должна будетъ закончиться тѣмъ, что участвующія въ ней державы потребуютъ для себя той или иной компенсаціи, Галло стремился устроить такимъ образомъ, чтобы такой исходъ войны противъ французовъ не отразился на политической независимости Италіи. Вѣдь опасеніе, что Австрія и теперь пожелаетъ распространить свое господство на всю Италію, основывалось на томъ, что Англія за свое участіе во второй коалиціи требовала присоединенія къ себѣ нѣкоторыхъ территорій въ южной Африкѣ и въ Америкѣ, а Россія за то же участіе—примиренія австрійской дипломатіи съ вторымъ раздѣломъ Польши, который, какъ извѣстно, былъ совершенъ въ пользу русскаго и прусскаго государствъ. Отсюда вытекало какъ бы естественное заключеніе, что Италія явится объектомъ компенсаціи для Австріи. И вотъ почему проектъ Павла билъ по самому больному

мѣсту австрійской дипломатіи, такъ какъ, беря на себя инициативу устроителя италіанскихъ государствъ, царь этимъ самымъ становился помѣхой для Австріи, жаждавшей полной свободы дѣйствія въ Италіи. Но какъ бы тамъ ни было, а вопросъ о компенсаціяхъ былъ понятъ Фердинандомъ IV совершенно въ превратномъ смыслѣ. Ему казалось, что Галло примѣнилъ этотъ дипломатическій терминъ въ смыслѣ возможности раздѣла сферъ политическаго вліянія въ Италіи между тремя державами: Россіей, Англіей и Австріей.

Послѣ полученія письма отъ неаполитанскаго короля, въ которомъ Галло было выказано полное недовѣріе, Императору Павлу ничего другого не оставалось дѣлать, какъ пріостановить свои подготовительныя работы для созыва конференціи по италіанскимъ дѣламъ. Какъ разъ къ этому времени образовавшаяся при русскомъ дворѣ, какъ Галло говоритъ, національная партія стала выказывать свое неудовольство тѣмъ, что Павелъ запутался въ италіанскихъ дѣлахъ, совершенно чуждыхъ русской политикѣ. Она требовала отозванія съ театра военныхъ дѣйствій Суворова и выступленія Россіи изъ второй коалиціи. Павелъ долго не соглашался съ взглядами противниковъ русскаго вмѣшательства въ италіанскія дѣла и благодаря только вышеописанному недоразумѣнію съ дипломатической миссіей Галло, онъ, со свойственнымъ ему рѣзкостью и поспѣшностью, перемѣнилъ направленіе своей внѣшней политики и выступилъ въ октябрѣ 1799 г. изъ коалиціи. Какъ извѣстно, царь написалъ императору Францу письмо, гдѣ упрекалъ Австрію въ томъ, что свои чисто эгоистическіе интересы она ставитъ превыше всего, превыше даже того общаго дѣла, ради котораго составила вторая коалиція. Но неудача миссія Галло только подвинула впередъ успѣхъ закулисныхъ интригъ австрійской дипломатіи. Австрія успѣла снова стать твердой пятой въ Италіи и на этотъ разъ надолго, до второй половины XIX ст. Уѣзжая изъ Петербурга, Галло продолжалъ твердить: „Этотъ дворъ (австрійскій) приведетъ къ европейскому разгрому“. Въ этихъ словахъ заключалось много правды. Если Австрія не привела своимъ поведеніемъ къ разгрому Европы въ буквальномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ она является истинной виновницей многихъ неудачныхъ событій, повліявшихъ на судьбы европейскіхъ государствъ въ послѣдующія эпохи.

Самая важная въ историческомъ смыслѣ сторона дипломатической миссія Галло заключалась въ его попыткѣ поставить Италію послѣ изгнанія французовъ на собственные ноги, открыть ей дорогу къ независимости. Участіе же въ этомъ дѣлѣ Императора Павла рисуется его внѣшнюю политику только съ выгодной стороны. Если

же затѣя эта не удалась, то въ этомъ виновата больше всего династія неаполитанскихъ Бурбоновъ, запутавшаяся въ интригахъ, трусливая и неспособная къ творческой дѣятельности. Въ 1799 г. для нея представлялся случай возвыситься, но въ послѣднюю минуту, испугавшись австрійскихъ угрозъ, она отступила отъ всѣхъ своихъ позицій. Спустя много лѣтъ эту роль, роль избавительницы Италіи отъ австрійскаго ига, взяло на себя Сардинское королевство. Пьемонтъ не только освободилъ Италію, но пошелъ еще дальше, онъ объединилъ ее.

Н. Борецкій-Бергфельдъ.

